

И.И. Матвеева

Юрий Живаго

Живаго Юрий Андреевич — герой романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», интеллигент, врач, блестящий диагност, а также талантливый поэт, художественно одаренный, умный, но слабый и «начисто лишенный воли» человек. Вместе с тем именно этот слабый человек бросает вызов жестокой эпохе и заявляет свое право на внутреннюю свободу и независимость от нее.

Внешность Живаго неброская: это высокий мужчина, «курносый» и «ничем не примечательный».

Он родился в очень богатой семье. Его отец, «миллионер-промышленник», бросил жену и детей, завел вторую семью, которую тоже оставил, «просадил и развеял по ветру... миллионное состояние», спился и погиб, выбросившись из поезда. После измены мужа у Марии Николаевны Живаго, и прежде часто болевшей, открывается чахотка.

Юрий Живаго появляется в романе десятилетним мальчиком в горький час похорон своей матери. У только что выросшего могильного холмика он кажется олицетворением одиночества и неприкаянности. «Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взглядом. Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал».

После смерти матери Юрий живет с дядей, Николаем Николаевичем Веденяпиным, расстриженным по собственному прошению священником. Дядя оказывает на Юрия большое влияние, так как был «человеком свободным, лишенным предубеждения против чего бы то ни было непривычного... у него было дворянское чувство равенства со всем живущим. Он... понимал все с первого взгляда и умел выражать мысли в той форме, в какой они приходят в голову в первую минуту, пока они и живы и не обесмыслятся».

Веденяпин становится духовным пастырем Юрия. Он прививает ему любовь к ближнему, стремление к свободе личности и внушает идею жизни как жертвы. С детства Живаго тонко чувствует природу, он экзальтирован и глубоко переживает религиозные чувства. Нахлынувшие впечатления от прекрасной природы, мысли об умершей матери и Боге однажды вызывают у него глубокий обморок.

Спустя некоторое время Николай Николаевич из «приволжского захолустья» привозит Юрия в Москву и помещает у родственников. Сначала мальчик живет у старичка Остромысленского, а затем в профессорском доме Громеко. «У Громеко Юру окружила завидно благоприятная атмосфера». Кроме Живаго, там были другие дети: его одноклассник гимназист Миша Гордон и дочь хозяев Тоня Громеко. Они вместе читают, обсуждают вопросы любви и пола, оставаясь при этом чистыми и целомудренными.

В Москве, в гостинице «Черногория», где пытается покончить с собой Амалия Карловна Гишар, Живаго впервые встречается с ее дочерью Ларисой. Девушка, сама не ведая того, производит на Юрия неизгладимое впечатление. Живаго, совсем юный, неопытный подросток, только мечтающий о любви, поражается тому, что между Ларисой и солидным господином, другом семьи Гишар, уже существует эта «взрослая» тайна, какая-то скрытая связь, которая тяготит девушку. «Это было то самое, о чем они так горячо год продолнили с Мишей и Тоней под ничего не значащим именем пошлости, то пугающее и притягивающее, с чем они так легко справлялись на безопасном расстоянии и на словах, и вот эта сила находилась перед Юриными глазами, досконально вещественная и смутная и снящаяся, безжалостно разрушительная и жалуемая и зовущая на помощь, и куда девалась их детская философия и что теперь Юре делать?» Уже

на улице Живаго узнает от Миши Гордон, что мужчина, шептавшийся с девушкой, — «тот самый, который спаивал и погубил» его отца.

Проходит несколько лет. Зимой 1911 года Живаго готовится к окончанию медицинского факультета университета. Он пишет «оригинальные энергичные» стихи, увлекается искусством, Блоком. По своему складу он поэт — человек высокого духа и необычайного таланта. Однако он не осознает своего поэтического дарования и выбирает практическую и вполне земную профессию врача. Впрочем, этот выбор не случаен. Свобода духа и гуманизм, привитые ему дядей и присущие настоящему поэту, столь же важны в гуманной профессии врача.

Учеба в университете меняет его взгляд на историю и религию. Теперь Живаго ощущает себя частицей мировой души, равной Вселенной. Между жизнью и смертью, по его мнению, не существует непреодолимых границ. «...Одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях... вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили», — утешает он умирающую Анну Ивановну Громеко. Его чувство «преемственности по отношению к высшим силам земли и неба» не было набожностью. Это было поклонение самой природе, признание своей неразрывной связи со всем сущим.

Будучи студентом, Живаго становится законным наследником состояния отца а также его огромных долгов, но отказывается от наследства, не желая участвовать в судебной тяжбе. В этом же году смертельно больная Анна Ивановна сватает Живаго и Тоню. По ее словам, они «созданы друг для друга».

С этого момента отношение Юрия к Тоне изменяется. Из простой и понятной девочки она превращается для него в самое таинственное существо — в женщину. «И он преисполнился к ней горячим сочувствием и робким изумлением, которое есть начало страсти».

Между тем на елке у Свентицких Живаго при очень странных обстоятельствах вновь встречает Ларису. В разгар веселья девушка стреляет в адвоката Комаровского и вызывает в доме страшный переполох. Живаго тотчас узнает и ее, и «солидного господина», но развязки истории не видит, так как вынужден ехать домой к умирающей Анне Ивановне.

Болезнь и смерть Анны Ивановны, новые отношения с Тоней, встреча с Ларой пробуждают в молодом человеке поэта. Сначала Живаго лишь смутно чувствует приближение чего-то неизведанного в жизни, им овладевает странное настроение, когда привычным вещам и предметам придается не свойственное им ранее символическое значение. Отправляясь вместе с Тоней на елку к Свентицким, Живаго обращает внимание на зажженную свечу в одном из окон. Этот символический свет, проникающий на улицу «почти с сознательностью взгляда», зажигает в его душе ответный огонек и заставляет как бы заново родиться уже в качестве поэта.

Наконец, на похоронах Анны Ивановны Живаго понимает, что больше всего на свете ему хочется «трудиться над формами, производить красоту». Он предчувствует свои новые стихи, в которых будет и смерть Анны Ивановны, и образ Тони в трауре, уличные наблюдения и даже стираное белье, которое он видит недалеко от могилы матери, похороненной на этом же кладбище десять лет назад.

Похороны второй раз в жизни круто изменяют судьбу Юрия Живаго. С этого момента зажженный в Рождественскую морозную ночь огонь в душе будет вести его трудной и трагической дорогой, сравнимой лишь с жизнью Христа; и ни разу Живаго не изменит ему, пройдя до конца тернистый путь поэта в несвободной стране.

На втором году первой мировой войны Юрий Живаго становится врачом-хирургом, прекрасным диагностом, интуиции которого поражаются даже опытные доктора. Он женат на Тоне, поглощен будничной работой, заботами о семье. Вскоре после рождения сына Сашеньки его отправляют на фронт как военного врача.

Война возмущает Юрия Живаго своей бесчеловечностью. Он видит брожение в прифронтовых местах, митинги, анархистские выступления (образование Зыбушинской республики). Его потрясает бессмысленная гибель молодого эсера Гинца, пытавшегося «усосвестить» разгулявшуюся народную стихию.

Гинц — «тоненький и стройный, совсем еще не оперившийся юноша, который, как свечечка, горел самыми высшими идеалами». По дороге на фронт он останавливается в Мелюзееве, где в это время находится Юрий Живаго. Узнав о падении Зыбушинской республики и скрывшихся в Бирючах остатках бунтовщиков, Гинц решает ехать в их лагерь, с тем чтобы уговорить вернуться на брошенные позиции. Юрий Живаго становится свидетелем его патриотического монолога в комендатуре, где молодой комиссар, не замечая насмешливых улыбок окружающих, горячо и наивно заявляет: «Пусть бунтовщики, пусть даже дезертиры, но это народ, господа... А народ ребенок, надо его знать, надо знать его психику, тут требуется особый подход. <...> Я к ним поеду на вырубки и по душам с ними потолкую. <...> Я скажу им: “Братцы, поглядите на меня. Вот я, единственный сын, надежда семьи, ничего не пожалел, пожертвовал именем, положением, любовью родителей, чтобы завоевать вам свободу. <...> Теперь вы больше не рядовые, как были раньше, а воины первой в мире революционной армии. Спросите себя честно, оправдали ли вы это высокое звание?..» — о, я пройму, я пристыжу их!”»

Однако спустя несколько дней, на митинге в Бирючах, патриотические речи Гинца не вызвали сочувствия ни среди дезертиров, ни среди казаков, присланных для его поддержки. Нерусская фамилия оратора, его чересчур правильная речь и многословие вызвали всеобщее раздражение и обратную реакцию — между бунтовщиками и казаками началось братание. Гинца же могло спасти только бегство. Но «поколениями воспитанное чувство чести, городское, жертвенное и здесь неприемлемое, преградило ему дорогу к спасению». Находясь в двух шагах от двери вокзала, за которой можно было скрыться от преследователей, Гинц, как на трибуну, вскочил на крышку пожарной кадки и обратился к солдатам с горячими бессвязными словами. Неожиданно крышка кадки перевернулась, одна нога Гинца провалилась в воду, а сам он «оказался сидящим верхом на ее ребре». «Солдаты встретили эту неловкость взрывом хохота, и первый спереди выстрелом в шею убил наповал несчастного, а остальные бросились штыками докалывать мертвого».

Юрий Живаго наблюдает и привычные на фронте картины издевательств сильных вооруженных людей над слабыми и беззащитными. Однажды он заступается за старого несчастного еврея, над которым жестоко «шутят» вооруженные казаки. Размышляя об этих событиях, Живаго произносит перед своим другом Гордоном целую речь в защиту слабых и неспособных «отражать удары». Как бы предсказывая и объясняя собственную судьбу, он видит в покорности слабых «что-то роковое».

Вместе с тем Юрий Живаго даже на фронте остается художником. Он накапливает жизненные впечатления, размышляет об эпохе, истории, искусстве, воспекает человеческую личность. «...Из блокнотного накапливания большого количества бессмыслицы никогда не может получиться смысла... фактов нет, пока человек не внес в них чего-то своего, какой-то доли вольничавшего человеческого гения, какой-то сказки».

Вскоре оборону русской армии прорывают немцы. Лазарет и учреждения спешно вывозят. Юрий Живаго собирается закончить необходимые дела и уехать со второй партией эвакуированных, но разорвавшийся поблизости снаряд валит Живаго с ног.

С конца февраля 1917 года Живаго вместе с подпоручиком Галиуллиным находится на излечении в госпитале одного из городков Западного края — Мелюзееве. Неожиданно там появляется Лариса, которая ищет на фронте своего пропавшего без вести мужа Павла Антипова. В первый же день работы она знакомится с Живаго. Ему хочется рассказать ей, что он уже дважды видел ее, гимназистом и студентом, но, вспомнив жену, сдерживается. Лариса же расценивает его смущенные сухие ответы как скрытую обиду.

Пока Юрий Живаго лежит в госпитале, его друзья Гордон и Дудоров без разрешения выпускают первую книжку его стихов, которую в Москве хвалят, а автору пророчат большое литературное будущее. Однако слава поэта не привлекает Живаго, для которого писать стихи так же естественно, как и дышать.

После выздоровления Живаго работает в этом же прифронтовом лечебном учреждении — вместе с Галиуллиным и Ларисой Антиповой. Живаго приходится часто сталкиваться с ней по работе, к тому же они живут в одном доме у мадемуазель Флери.

Доктор бессознательно увлекается Ларой. В письмах Живаго чуткая и любящая Тоня ощущает интерес мужа к посторонней женщине. Желая разрушить опасную ситуацию, она с едкой иронией советует ему «проследовать прямо на Урал за этой удивительной сестрою, шествующей по жизни в сопровождении таких знамений и стечений обстоятельств, с которыми не сравнятся ее, Тониному, скромному жизненному пути». «О Сашеньке... не беспокойся, — писала она. — Тебе не придется за него стыдиться. Обещаю воспитать его в тех правилах, пример которых ты ребенком видел в нашем доме».

Письмо Тони отрезвляет Живаго. Он понимает, что причиняет боль любимым существам и решает покончить с созданным двусмысленным положением. Однако в принятом им «прощальном» разговоре с Антиповой прорывается что-то похожее на признание в любви. Ларисе, занятой глажением белья, Живаго путано говорит, что он беспокоится о ней, хочет защищать, быть рядом. «Что бы я дал за то... чтобы на вашем лице было написано, что вы довольны судьбой и вам ничего ни от кого не надо. Чтобы какой-нибудь близкий вам человек, ваш друг или муж... взял меня за руку и попросил не беспокоиться о вашей участи и не утруждать вас своим вниманием. А я вырвал бы руку, размахнулся и... Ах, я забылся! Простите, пожалуйста».

Через неделю Лариса уезжает, а вслед за ней собирается домой и Живаго. В ночь накануне его отъезда разыгрывается страшная буря. Мадемуазель Флери и Живаго будит тревожный стук в дверь. Они обходят весь дом, но никого не находят. Таинственный стук издавала, вероятно, оторванная ставня. Но в такую страшную ночь звук этот воспринимался ими как стук судьбы, как предвестник тревожных жизненных событий.

По пути в Москву Юрий Живаго всюду видит последствия совершившейся февральской революции: развал на железной дороге, нищету и жесточенность, голод и болезни, слышит рассказы о бессмысленной гибели людей, предсказания окончательного распада общества. В этом хаосе Живаго с бесконечной любовью думает о доме, который через три года войны, революции, потрясений «цел и есть еще на свете». Возвращение домой он мыслит как возобновление прерванной нормальной жизни.

Но и в Москве Юрий Живаго с удивлением обнаруживает следы разрухи. На Смоленском вокзале он наблюдает пустые, закрытые торговые лари, загаженную площадь, «с которой уже не считали нечистот и отбросов». Он видит «жавшихся на тротуаре худых прилично одетых старух и стариков, стоявших немой укоризною мимоидущим и безмолвно предлагавших на продажу что-нибудь такое, чего никто не брал». Все охвачены тревогой по поводу предстоящей голодной и холодной зимы.

Однако грядущие трудности не пугают Живаго — он намерен бороться и счастлив, что вернулся домой. Из эйфории его выводит встреча с сыном Сашенькой, который пугается незнакомого небритого мужчины, с размаху бьет его по лицу и безутешно плачет. Жест ребенка оба супруга воспринимают как дурное предзнаменование, которое в ближайшие дни подтверждается.

Вскоре Юрий Живаго понимает, как бесконечно он одинок («странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения»). Среди сотрудников больницы, где работает Живаго, он не находит единомышленников. Одним его взгляды кажутся опасными, другим — недостаточно красными.

В ординаторской на заваленном статистической отчетностью столе он пишет «Игру в людей» — «мрачный дневник или журнал тех дней, состоявший из прозы, стихов

и всякой всячины, внушенной сознанием, что половина людей перестала быть собой и неизвестно что разыгрывает». Но главная его тревога — это ощущение надвигающегося несчастья и невозможность изменить страшное будущее.

Юрия Живаго, поэта и творческую личность, грядущее одновременно вдохновляет и пугает. Он боится, что в новом обществе ему не будет места. «Он считал себя и всю среду обреченной. Предстояли испытания, может быть даже гибель. Считанные дни, оставшиеся им, таяли на его глазах. <...> Он понимал, что пигмей перед чудовищной машиной будущего, боялся его, любил это будущее и втайне им гордился, и в последний раз, как на прощание, жадными глазами вдохновения смотрел на облака и деревья... на большой, перемогающийся в несчастьях русский город, и был готов принести себя в жертву, чтобы стало лучше, и ничего не мог».

Октябрьскую революцию уставший от войны, хаоса и несправедливости Живаго встречает восторженно. «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали».

Между тем наступает тяжелая, голодная и холодная зима. Семья начинает бедствовать. Юрий много работает, но на жизнь все равно не хватает. Нет продуктов, дров, заболел ангиной ребенок. А вскоре заразился тифом и сам Живаго. Две недели он находится между жизнью и смертью. В его болезненном бреде причудливо переплетаются события последних дней, складываясь в поэму «Смятение». Наконец он медленно возвращается к жизни, удивляясь тому, откуда в доме берутся диковинные по тем временам продукты: кофе, белый хлеб с маслом, сахар. От Тони Живаго узнает, что все это присылает его сводный омский брат Евграф.

В апреле 1918 года, стремясь спасти семью от голодной смерти и ареста, Живаго вместе с Тоней, Сашенькой и тестем уезжает в бывшее имение Громеко — Варыкино — близ уральского городка Юрятин. Путешествие в товарном вагоне в течение нескольких суток приносит Живаго немало интересных наблюдений. В передних вагонах поезда находятся мобилизованные на фронт красноармейцы, в задних — осужденные, едущие отбывать «трудовую повинность». Среди последних Живаго не видит злодеев. Напротив, в теплушках едут беззаботные люди со связями, уверенные в том, что влиятельные родственники помогут им; другую группу составляют простые труженики, которым не на кого надеяться.

Трое мобилизованных на «трудовую повинность» «путешествуют» в четырнадцатом вагоне вместе с Живаго. Двое из них осуждены случайно, а третий — кооператор Костоед — за недовольство Советской властью. Он и здесь не скрывает своих контрреволюционных взглядов. Костоед открывает Живаго, уверенному в сытости и благоденствии деревни, правду об истинном катастрофическом ее положении, о том, что крестьянин «из тисков старой, свергнутой государственности попал под еще более тяжкий пресс нового революционного сверхгосударства».

Вскоре Юрий Живаго и сам видит подтверждение слов Костоеда: сожженное комиссаром Стрельниковым село Нижний Кельмес, жители которого не подчинились приказу о мобилизации и разогнали комитет бедноты. Из разговора случайных пассажиров-попутчиков Живаго узнает, что на севере белые берут перевес и собираются захватить Юрятин и что белыми частями командует его знакомый Галиуллин.

Живаго беспокоит мысль о том, как они будут жить в этом бурлящем политизированном крае. Он решается на серьезный разговор с тестем о том, как им «вести себя при некоторых обстоятельствах, чтобы не краснеть друг за друга». Александр Александрович откровенно проясняет свою позицию: он не горюет об утрате капиталов, так как Громеко «расстались со страстью стяжательства уже в прошлом поколении», но совершенно не верит в возможность построения общества равноправия. «Такие вещи живут в первоначальной чистоте только в головах создателей и то только в первый день

провозглашения. Иезуитство политики на другой же день выворачивает их наизнанку», — говорит он.

Александр Александрович понимает, что власть против них, и семья бежит из Москвы, чтобы постараться выжить — но не за счет огорода (как наивно полагает Тоня), а попытается «как-нибудь примазаться к разбазариванию бывших дедушкиных лесов, машин и инвентаря». Высказывание тестя полностью совпадает с настроением самого Живаго, у которого восторг перед «великолепной хирургией» Октября уступил место скепсису. Теперь он понимает, что «насильственностью ничего не возьмешь» и что «к добру надо привлекать добром».

Перед самым концом путешествия поезд останавливается далеко от станции на запасных путях. Живаго тревожит знакомый рокот дальнобойных орудий, поэтому он выходит из вагона узнать, где они находятся. Здесь Живаго задерживают часовые и ведут к военному.

Живаго приводят в салон-вагон, приспособленный под штаб-квартиру. Удобное помещение и обыденные заботы находящихся в нем людей успокаивают доктора. Ему трудно представить, что такие обыкновенные люди оборвут его жизнь. Скоро в штаб приходит Стрельников, и Живаго удивляется его уверенности и определенности. Он воспринимает эти качества военкома как проявление одаренности и проникается к нему симпатией. Однако разговор со Стрельниковым оказывается весьма суровым. Комиссар видит в Живаго скрытого врага, решившего «пересидеть» опасное время в глуши. Стрельников отпускает доктора-«дезертира» только на первый раз и советует никогда больше не попадаться ему на глаза.

Наконец Живаго с семьей добирается до Барыкина. Александр Александрович объясняет бывшему управляющему Микулицыну цель их приезда. Аверкий Степанович Микулицын пугается непрощенных гостей. «Несколько мгновений длилось истинное, непоказное ошолобление поставленных в тупик хозяев и непритворная, искренняя потерянность сгорающих от стыда несчастных гостей». Однако бывший управляющий скоро сменяет гнев на милость, выделяет гостям пристройку в саду и всячески помогает в обустройстве.

Прошло чуть меньше года. Живаго благодарит судьбу, подарившую ему новую для него простую жизнь на земле. Занятый физическим трудом, он ничего не пишет все лето. Чтобы не ограничивать свободу, Живаго скрывает свою профессию врача, но все же крестьяне из окрестных деревень узнают это и приезжают за советом к доктору, награждая его за лечение кто «курочкой», кто «яйчком», а кто и «маслицем». Главной же опорой семьи становится предприимчивый и оборотистый Самдевятов, который, приезжая за варыкинским лесом, привозит необходимые вещи и продукты.

Зимой Живаго ведет дневник, куда записывает свои повседневные впечатления. Он размышляет о новой беременности Тони, о сыне Сашеньке, Анфиме Самдевятове, о жизни и искусстве. Невольно в его записях в отдаленных ассоциациях прорывается неугасшее чувство к Ларе и неосознанное стремление увидеть ее. «Гладят и то и дело из непротопившейся печки подкладывают жаром пламенеющий уголь в ляскающий крышкой, как зубами, духовой утюг. Что-то напоминает. <...> Как выздоровею, надо будет поехать в город, почитать кое-что по этнографии края, по истории». Как-то ночью ему снится женский голос, «грудной», «влажный». Все это предвещает новую встречу с Ларисой.

Весной к Живаго приезжает брат Евграф, который гостит около двух недель, упорно не открывая хозяевам род своей деятельности. Живаго чувствует, что младший брат — очень влиятельное лицо, но чем он занимается и откуда его могущество, понять не может.

Вскоре Юрий Живаго вновь встречается с Антиповой. В библиотеке, где доктор ее увидел, его вдруг осеняет, что услышанный им во сне голос — это голос Ларисы, а значит, эта встреча дарована ему судьбой. Красота Ларисы вновь поражает его, и почти забытая симпатия вспыхивает в нем с новой силой. Узнав адрес Антиповой, Живаго приходит к ней. Во время беседы доктор все больше поражается гармоничности ее натуры. Живаго,

много размышляющий о революции и переменах в стране, делится с Антиповой, как с близким по духу человеком, своей разочарованностью. Разруху и хаос текущего «переходного периода» он воспринимает как признак неодаренности нынешних руководителей. Он не видит смысла в огромных исторических масштабах. «Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны! Так зачем подменять ее ребяческой арлекинадой...»

Вскоре любовь к Ларисе властно вторгается в жизнь доктора. Любовь кажется ему предопределенной, и он не в силах бороться с ней. Вместе с тем он мучительно переживает измену жене и чувствует себя «неуличенным преступником». Он по-прежнему дорожит семьей, безумно любит Тоню, готов защищать честь жены, и в то же время сам становится ее обидчиком. Живаго особенно тяжело потому, что идеи «свободной любви» ему чужды. «Говорить и думать о таких вещах казалось ему пошлостью. В жизни он не срывал «цветов удовольствия», не причислял себя к полубогам и сверхчеловекам, не требовал для себя особых льгот и преимуществ. Он изнемогал под тяжестью нечистой совести».

Выйти из сложившейся ситуации Живаго помогает случай. В партизанском отряде Ливерия Микулицына убивают фельдшера, и Живаго принудительно мобилизуют как медработника.

Зимой 1920 года на Урале и в Сибири идет жестокая гражданская война. Против Колчака, захватившего там власть, красные ведут упорную борьбу по всем фронтам. Юрий Живаго уже около полутора лет находится партизан. Его не охраняют, но три попытки к бегству неизменно оканчивались для доктора поимкой. Побег слишком опасен, поэтому Живаго смиряется. Ему покровительствует сам Ливерий Микулицын, который любит общество Живаго. Однако самого доктора тяготят разговоры с Ливерием, он раздражает Живаго своей грубостью, навязчивостью, пристрастием к кокаину и менторским тоном. Доктор тревожится о семье, о ребенке, который должен был родиться у Тони. До него доходят слухи, что Варыкино разгромлено и разграблено, что Тоне и Микулицыным удалось скрыться.

Работы у Живаго много, и обязанности его растут. Он не только занимается больными и ранеными, реорганизацией лазарета, но и пытается лечить сложные психические заболевания бойцов, так же как и он болезненно обеспокоен судьбой своих близких, грозящей им расправой со стороны белых.

Например, вечно подавленный и угрюмый Памфил Палых признается доктору, что его мучает кровь невинного молодого кадета, пролитая им еще в февральскую революцию: «Оголец один у меня из головы нейдет, огольца одного я стукнул, забыть не могу. За что я парнишку погубил? Рассмешил, уморил он меня. Со смеху застрелил, сдуру, ни за что». Так из разговора с Памфилом Живаго узнает имя убийцы комиссара Гинца и еще раз удивляется величайшей тайне жизни на земле, где все взаимосвязано, и тысячи судеб тесно переплетены в один неразрывный узел.

С тех пор прошло много времени, но по ночам Памфилу не дает уснуть беспокойная совесть, и все мерещится станция, на которой он совершил тяжкое убийство. Палых боится, что за содеянное им преступление придется расплачиваться не только ему, но и горячо любимым жене и детям. Не желая отдавать семью на поругание белым, Памфил в припадке тоски зарубил всех насмерть.

Живаго как врач не обязан принимать участие в боях, но однажды ему приходится участвовать в сражении против белых. Лежа в цепи, он видит мальчиков и юношей «из невоенных слоев столичного общества». «Доктор не знал никого из них, но лица половины казались ему привычными, виденными, знакомыми. Они напомнили ему бывших школьных товарищей. <...> Их выразительные, привлекательные физиономии казались близкими, своими». Живаго бесконечно симпатичны воодушевленная храбрость молодых людей, их гордость, нежелание прятаться, спасаться. «Доктор лежал без оружия в траве

и наблюдал за ходом боя. Все его сочувствие было на стороне героически гибнущих детей. Он от души желал им удачи. Это были отпрыски семейств, вероятно, близких ему по духу, его воспитания, его нравственного склада, его понятий».

У Живаго возникает соблазн выбежать навстречу молодым людям и сдаться, но это слишком опасно, и он отгоняет эту мысль. Между тем бой разгорается, и доктор поневоле вынужден взяться за оружие. Он не может стрелять в молодых людей, которым искренне симпатизирует, и целится в обгорелое дерево. Но как ни старается он никому не причинить зла, все же ранит двоих и одного убивает.

После окончания боя доктор приступает к своим обязанностям. Осматривая убитых партизан и белогвардейцев, Живаго видит на тех и на других амулеты с одной и той же молитвой, оберегающей от пуль. Неожиданно один из белогвардейцев, в которого доктор стрелял и считал убитым, застонал. Пуля, ударившись об амулет, лишь контузила его. Живаго с риском для жизни переодевает юношу в одежду убитого телефониста-партизана и вылечивает его, хотя юноша не скрывает, что после выздоровления будет бороться с красными.

Живаго бесконечно тяжело у партизан. Он видит нравственное разложение в отряде, пьянство, борьбу за власть, неоправданную жестокость по отношению к своим оступившимся товарищам. Доктора потрясает сцена расстрела одиннадцати участников заговора и двух самогонщиков.

Особенно жаль ему подростка Галузина, которого Живаго воспринимает не просто как запутавшегося в политике ребенка, но как символ растерявшегося человечества. «Галузин часто-часто кланялся до земли конвойным, плакал навзрыд и умолял их полубеспамятно, нараспев: “Виноват, братцы, помилуйте, больше не буду. Не губите. Не убивайте. Не жил я еще, молод умирать. Пожить бы мне еще, маменьку, маменьку свою еще один разочек увидеть...”»

Юрий Живаго испытывает смертельную усталость от всего пережитого. «Изуверство белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая одно в ответ на другое, точно их перемножили. От крови тошнило, она подступала к горлу и бросалась в голову, ею заплывали глаза». В таком состоянии Живаго получает от Ливерия подтверждение известия о взятии Юрятина белыми и разгроме Варыкина. В полном смятении чувств Живаго бежит из партизанского лагеря и вскоре прибывает в Юрятин, который уже взяли красные.

За время странствий Юрий Живаго сильно меняется, худеет, от грязи кажется смуглым. «В сильно отросших его волосах еще не было седин, а темно-русская борода, которою он оброс, стала седеть. <...> Шубу, наверное, давно сняли с него дорогою, или он сбыл ее в обмен на пищу. Он был в выменянных короткоруканных обносках с чужого плеча, не гревших его».

Живаго подходит к доске объявлений в центре города, пестрящей грозными распоряжениями и приказами, невыполнение которых грозит обывателю карами «по всем строгостям военного времени». Оторванность декретов и отчетов от жизни вызывает у Живаго прилив желчи. «Один раз в жизни он восхищался безоговорочностью этого языка и прямою этой мысли. Неужели за это неосторожное восхищение он должен расплачиваться тем, чтобы в жизни больше уже никогда ничего не видеть, кроме этих на протяжении долгих лет неменяющихся шальных выкриков и требований, чем дальше, тем более нежизненных, неудобопонятных и неисполнимых?»

В доме Антиповой Живаго ждет записка, в которой Лара сообщает, что знает о его возвращении, поэтому на всякий случай уезжает в Варыкино навести там порядок. Измученный дорогой и пережитым, Живаго заболевает, его мучают кошмарные сны и видения, в которых переплелись его тревоги и нечистая совесть перед семьей и детьми.

Живаго понимает, как непрочно и опасно положение дезертира, поэтому перед отъездом в Москву поступает в Юрятине на службу. Чтобы как-то справиться с инфля-

цией, он работает сразу в трех местах. Чем больше он привязывался к Ларисе и ее дочери Катеньке, «тем менее осмеливался воспринимать их по-семейному», коря себя за измену собственной семье.

Между тем над Живаго и Ларисой сгущаются тучи. На работе к доктору относятся подозрительно. Его обвиняют в «идеализме», «мистике», «натурфилософии». В городе неспокойно, свирепствуют ночные обыски, аресты; идет, по словам Лары, вторая фаза «водворения молодой власти», когда «растут подозрительность, доносы, интриги, ненавистничество».

Вместе с Ларисой Живаго решает ехать в Варыкино, чтобы там, в глуши, спрятаться от неминуемого ареста и отвоевать себе хотя бы год жизни. Перед отъездом он получает письмо от Тони, которое шло пять месяцев. Тоня сообщает, что у них родилась дочь, названная в честь матери Юрия Марией, что ее вместе с Александром Александровичем, а также с другими специалистами, профессорами и видными общественными деятелями высылают за границу. Письмо Тони — прощальный плач перед вечной разлукой. «Ах, как я люблю тебя! <...> Я люблю все особенное в тебе, все выгодное и невыгодное, все обыкновенные твои стороны, дорогие в их необыкновенном соединении, облагороженное внутренним содержанием лицо, которое без этого, может быть, казалось бы некрасивым, талант и ум, как бы занявшие место начисто отсутствующей воли».

Неожиданно к Ларе приезжает ее бывший любовник — адвокат Комаровский, который предлагает Живаго и Ларе помощь. Он обещает доктору переправить его за границу, Ларисе — сохранить жизнь и безопасность ее мужа Павла. Однако Живаго затевает ссору и грубо выгоняет непрощенного гостя из дома.

Вскоре Живаго вместе с Ларой и Катенькой переезжает в Варыкино, где поселяется в брошенном доме Микулициных. Там, вероятно, кто-то жил, но это не беспокоит их. Они принимают таинственного незнакомца за какого-нибудь белого офицера, прячущегося в глуши от властей. «Придет, уживемся, столкнемся», — решают доктор и Лариса.

Варыкино, отгороженное от людей, политики, истории, становится прибежищем двух любящих людей. «Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головами, облака и деревья». Счастье заставляет их чувствовать себя творцами общей красоты мира. Для доктора, живущего в мире мечты и поэзии, Варыкино — идеальное место для работы. Он окружен природой, с которой ощущает неразрывную связь, и с ним его Лара — муза, любовница, хозяйка.

Живаго мечтает прожить здесь подольше. Ему хочется работать, написать руководство по медицине, книгу стихотворений или заняться переводами. Он торопится, так как знает, что вдохновение не бывает вечным, что час расставания с Ларой близок и он ее неминуемо потеряет, а вслед «за ней и побуждение к жизни, а может быть, и жизнь».

Как символ подступающих враждебности и одиночества Живаго воспринимает ночные появления волков возле их дома. «Волки... уже не были волками на снегу под луною, но стали темой о волках, стали представлением вражьей силы, поставившей себе целью погубить доктора и Ларису или выжить их из Варыкина».

Свою любовь и тревогу Живаго изливает в стихах. От ночной работы он ослаб, усталость валит его с ног. К тому же его начинает сильно тревожить душевная подавленность Лары. Он понимает, что Лариса — свободная, деятельная, активная натура — не может жить в одиночестве, в замкнутом пространстве и что он не имеет права держать ее в клетке даже ради высокого искусства.

На тринадцатый день отшельничества Живаго и Ларисы в Варыкино без приглашения приезжает Комаровский и уговаривает Лару уехать с ним. При этом он обманом заставляет Живаго содействовать ему. Он говорит, что схвачен и приговорен к высшей мере наказания муж Лары Стрельников-Антипов и что, следовательно, ей необходимо скрыться. Живаго не хочет пользоваться услугами Комаровского, но понимает, что для

Лары — это спасение, и поэтому, жертвуя собой, уступает любимую женщину ее первому в жизни обидчику.

Стоя на крыльце, он провожает взглядом сани, на которых едут Лара и Катенька. Мысленно он прощается с любовью навеки: «Прощай, Лара, до свидания на том свете, прощай, краса моя, прощай, радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная... Больше я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни». В этот момент в голове Живаго рождаются стихи о любви к прекрасной женщине, которые он решает записать здесь же, в Варыкине, и лишь после этого ехать в Москву.

Неожиданно его одиночество нарушает Стрельников, который, как выясняется, скрывался здесь и раньше. Муж Лары переживает смертельную тоску, разочарование. Он появляется в Варыкине, чтобы проститься с женой и дочерью, но не застаёт их. Утром Живаго находит его на улице застрелившимся.

В начале нэпа, весной 1921 года Юрий Живаго появляется в Москве вместе с красивым крестьянским юношей. Вид его жалок. «Он исхудал, оброс и одичал еще более, чем во время своего возвращения в Юрятин из партизанского плена. По дороге он... снимал с себя стоящее и выменивал на хлеб с придачею каких-нибудь рваных обносков, чтобы не остаться голым. Так проел он в пути свою вторую шубу и пиджачную пару, и на улицах Москвы появился в серой папахе, обмотках и вытертой солдатской шинели, которая превратилась без пуговиц, споротых по одной, в запашной, арестантский халат».

Юноша, сопровождающий Живаго, — Вася Брыкин, беглый арестант, с которым доктор ехал из Москвы на Урал. Деревня Васи была сожжена, мать утопилась с горя, двух сестер отправили в детдом. Вася рассказывает Живаго об ужасах и несчастьях, постигших его семью и родную деревню, о бунте, пожаре, сгоревших заживо красноармейцах, разбежавшихся кто куда крестьянах.

В Москве Живаго поселяется вместе с Васей. Бывший доктор устраивает юношу на общеобразовательные курсы бывшего Строгановского училища, откуда его переводят на полиграфический факультет. Живаго с помощью Васи издает книги по медицине, философии, истории пугачевских мест, а также стихи. Вася печатает их в училище небольшими тиражами в качестве экзаменационных работ. Вскоре их отношения разлаживаются из-за несоответствия политических взглядов (Вася полностью воспринял коммунистическую идеологию).

В последние восемь-девять лет жизни в Москве Юрий Живаго все больше опускается, обитает в каких-то углах. Бывшие друзья шарахаются от него в сторону, «как от опасного знакомца».

Поначалу Живаго еще хлопочет о политическом оправдании своей семьи и возвращении ее на родину, а также о заграничном паспорте для себя. Однако эти попытки оказываются слишком вялыми, чтобы привести к успеху. Отчаявшись, Живаго забрасывает медицину, перестает встречаться со знакомыми, еще больше опускается и бедствует.

Наконец Живаго переезжает в одну из комнат бывшей квартиры Свентицких, которую ему устраивает некогда дворник, а ныне всемогущий хозяин новой жизни Маркел Щапов. Неудачнику пытается помочь дочь Маркела Марина — простая добрая девушка, которая поражает Живаго певучим чистым голосом. Она становится третьей, невенчаной женой Живаго, рождает ему двух дочерей. Марина прощает доктору странные причуды, «капризы опустившегося и сознающего свое падение человека, грязь и беспорядок, которые он заводил». Подчиняясь его прихоти, она то и дело бросает работу телеграфистки и отправляется с мужем по дворам в поисках случайных заработков.

Изредка Живаго получает письма от Тони. Эти письма, теплые и ласковые, напоминают ему о прошлой лучшей жизни и заставляют мечтать о чудесном возвращении жены на родину.

Однажды Юрий Живаго пропадает. Три дня его ищут Марина и друзья, пока не получают от него письмо с просьбой не тревожиться. Между тем Живаго находится

недалеко. Сводный брат Евграф, узнав о бедственном положении доктора, решает помочь устроить его судьбу и преодолеть душевный кризис. Он снимает ему комнату, снабжает деньгами, хлопочет о хорошей работе, а главное, обещает устроить встречу с Тоней и воссоединить семью. В ожидании перемен, Живаго садится за работу. Он пишет статьи и стихи, посвященные городу.

В конце августа 1929 года Юрий Живаго устраивается в Боткинскую больницу. По дороге на работу в переполненном трамвае ему становится плохо. Вслед за вагоном движется черно-лиловая туча, предвещающая грозу. Однако Живаго, неосознанно ждавший очистительного ливня, вдруг ощущает «непоправимую боль» внутри и понимает, что все пропало. Нечеловеческими усилиями Живаго пробивается на заднюю площадку, сопровождаемый руганью, пинками и озлоблением. Но как только он ступает на мостовую и делает несколько неуверенных шагов, тут же падает замертво на камни.

После смерти доктора Живаго остается тетрадь стихов, предназначенная потомкам. Поэзия содержит ключ к пониманию образа Живаго и философского подтекста романа. В ней слышится переключка с переломными моментами в судьбе героя: его любовь к Ларе («Зимняя ночь», «Август»), страдания («Разлука»), мысли о жизни («Гамлет», «Рассвет»), думы о вечном («Рождественская звезда», «Магдалина»). Судьба поэта осмысливается в стихах как путь Христа на Голгофу. Юрий Живаго уверен, что приносит себя в жертву ради духовного очищения человечества, и предвидит собственное поэтическое бессмертие:

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.